

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Данная статья посвящена исследованию философских оснований критической теории как концептуально целостной парадигмы современной гуманитаристики. Раскрыто ее эмансипационное измерение, в основании которого программа преобразования социума на принципах справедливости и рациональности. Выявлено значение дискурсивных практик как фундамента социокультурных трансформаций в современной критической теории посредством рассмотрения концепций наиболее репрезентативных ее представителей. Осуществлена реконструкция основных положений коммуникативной модели Ю. Хабермаса, а также критической теории справедливости как реализации «права на оправдание» Р. Форста.

Ключевые слова: Критическая теория, социокультурные трансформации, универсальная прагматика, дискурс, делиберативная политика, право на оправдание.

DISCURSIVE PRACTICE AS THE BASIS OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN MODERN CRITICAL THEORY

I. M. RATNIKOVA

Philosophical foundations of Critical Theory as a conceptually integral paradigm of modern Humanities are researched. Its emancipatory dimension, based on the program of transformation of society with the principles of justice and rationality, is studied. The importance of discursive practices as the basis of sociocultural transformations in modern critical theory through consideration of the

concepts of the most representative representatives of it is revealed. The main concepts of J. Habermas's communicative model, as well as R. Forst's critical theory of justice as the realization of the "right to justification", are reconstructed.

Keywords: Critical Theory, sociocultural transformations, universal pragmatics, discourse, deliberation politics, right to justification.

Введение. Современные цивилизационные процессы в контексте глобализирующегося мира характеризуются социальной нестабильностью, острыми политическими, культурными и экономическими противоречиями. Осмысление истоков и сущности возникновения того комплекса проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество, является сегодня первоочередной задачей философии. В этой связи, обращение к эвристическому потенциалу критической теории, которая не только выявляет прямую зависимость между концептуальными основаниями техногенной цивилизации и современными социальными катаклизмами, но и разрабатывает проект социокультурной трансформации посредством дискурсивных практик, представляется чрезвычайно актуальным и продуктивным. Использование ресурсов критической теории позволит эксплицировать новые ракурсы в понимании стратегии устойчивого развития нашей страны.

Критическая теория – это одна из наиболее значимых, продуктивных и активно развивающихся исследовательских программ современной гуманитаристики, широко представленная сегодня рядом направлений (критическая социальная теория, критическая литературная теория, критическая правовая теория и др.), характеризующихся единством философско-методологических оснований. Будучи концептуальным трендом современного интеллектуального дискурса, критическая теория является предметом исследования зарубежных и отечественных исследователей (С. Броннер, И. А. Михайлов, Н. В. Мотрошилова, Дж. Олвей, Ф. Раш, Дж. Финлейсон, В. Н. Фурс, С. В. Шачин и др.). Вместе с тем, несмотря на

наличие серьезных и глубоких работ, посвященных вопросам критической теории, осмысление проекта дискурсивной трансформации социально-политической системы пока еще не нашло должного освещения. Данная статья предназначена, хотя бы частично, устранить этот пробел.

Основная часть. Ключевая цель критической теории состоит в стремлении разработать стратегию преодоления патологий развития техногенной цивилизации, имплицитированных так называемым проектом «модерн», а также установить основания преобразования современного общества на принципах разумности, свободы и справедливости. Эта эмансипационная направленность нашла первоначальное концептуальное оформление в классической философской модели критической теории, предполагающей кардинальное изменение базовых принципов конституирования отношений в субъект-субъектной и субъект-объектной системе координат («эстетическая рациональность» Т. Адорно, «чувственная рациональность» Г. Маркузе, проект «здорового общества» Э. Фромма и др.), и обусловила собой имманентную логику развития критической теории.

Концептуальная трансформация критической теории от классической к современной модели была задана динамикой общекультурного контекста, что нашло отражение в философии Ю. Хабермаса [1-6]. Без малейшей доли преувеличения можно утверждать, что этот мыслитель является одной из значимых персоналий современного интеллектуального пространства. Будучи живым классиком, он принимает активное участие в дебатах по самым актуальным вопросам современной политики, науки, техники, религии и многим другим, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения, и олицетворяя, тем самым, разрабатываемую им этику дискурса в действии.

Разрабатываемое Ю. Хабермасом учение может быть охарактеризовано как реактуализация намеченной еще в классической модели критической теории эмансипационной программы по устранению патологий функционирования фундаментальных принципов проекта «модерн» и

преобразованию общества. Позиция этого представителя критической теории специфицируется отказом от сугубо негативной трактовки предельных оснований этого проекта, а потенциал социального прогресса он и вовсе связывает с заложенными в нем теоретическими ресурсами.

Кроме того, реализация Ю. Хабермасом междисциплинарного, системного подхода к исследованию социокультурной реальности в соответствии с принципами постметафизического мышления послужила основанием поворота критической теории от философии сознания к коммуникативной модели: «парадигма познания предметов должна смениться парадигмой взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать» [4, с. 306].

Этот коммуникативный сдвиг в критической теории во многом инспирирован так называемым «лингвистическим поворотом» в философии. Сущностью человека, по Ю. Хабермасу, является не способность к правильному построению предложений языка, но способность к коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, определяется им как действие, направленное на достижение взаимопонимания в контексте общности трактовок конкретной ситуации. Исследованию должен подвергаться не язык, но речь как совокупность символически опосредованных интерпретаций наличной действительности, т.е. прагматический слой употребления языка.

Вслед за К.-О. Апелем, он разрабатывает собственную концепцию универсальной прагматики, которую трактует: 1) в узком смысле как метод анализа коммуникативного акта в условиях контекста его применения; 2) в широком смысле как проект по преодолению патологий культуры модерна, причина которых усматривается им в систематическом искажении коммуникации. Цель данной концепции состоит в выявлении универсальных предпосылок достижения взаимопонимания и согласия между участниками коммуникации. В хабермасовском учении эти предпосылки выступают одновременно и критериями рациональности коммуникативных практик. В этом контексте универсальная прагматика приобретает более конкретные

черты. Ее предназначение состоит в выявлении таких условий, посредством которых акт коммуникации демонстрировал бы свою рациональную природу. Таким образом, разрабатываемая Ю. Хабермасом теория может быть интерпретирована как попытка разработать проект социокультурных трансформаций на основе коммуникативных практик.

Помимо «наивной», или «естественной», аргументации в контексте повседневных практик, Ю. Хабермас выделяет дискурс как теоретическую и практическую форму аргументированного способа достижения консенсуса. Он отмечает, что дискурс является более эффективной формой достижения взаимопонимания, и трактуется им как рефлексивная форма коммуникативного разума, универсальная среда достижения общезначимого согласия посредством аргументации и обоснования той или иной позиции по поводу чего-либо в мире. Важно, что пространство дискурса сущностно противоречит всякой модели, основанной на принципе господства-подчинения. Он свободен от внешней причинности и основан на таких понятиях, как взаимопонимание, признание, согласие. Здесь запрещено использование перлокутивных речевых актов и не приемлемо принуждение со стороны участников коммуникации.

Ю. Хабермас формулирует следующие требования к осуществлению дискурса: 1) все участники должны иметь равные возможности в любое время как вступить в дискурс либо выйти из него, так и продолжать свое участие в нем, кроме того, ни одна из сторон, затрагиваемых дискурсом, не может быть из него исключена; 2) все участники должны иметь равные условия для выдвижения интерпретаций, высказываний, оправданий собственной позиции и в равной степени обоснование и опровержение притязаний на значимость другой стороны, при этом ни одно мнение не может избежать проблематизации и критики; 3) все участники имеют равные права для выражения своих установок, чувств и намерений; 4) все участники имеют равные шансы полагаться на взаимность, исключающую установление односторонних привилегий в смысле обязывающих норм, действий и оценок.

Как совершенно верно отмечает отечественный специалист в области философии аргументации В. И. Чуешов, «хабермасовская ориентация на презумпции идеальной речевой ситуации гарантировала ненасильственный речевой характер взаимоотношений участников коммуникации, их равноправие и свободу, как предпосылок обретения ими консенсуса и свидетельство истины, правильности, правды, а технологии дискурсивной этики помогли найти надежные основания для практических действий (нравственных, политических, управленческих) человека» [7, с. 9].

В процессе дискурса реализуются притязания участников коммуникации на истинность, правильность и правдивость высказывания. Так, требование истинности соотносится с когнитивно-инструментальным аспектом разума. Это высказывания о предметах, явлениях и событиях окружающего мира. Правильность же соответствует морально-практическому моменту разума и представлена суждениями о намерениях и ожиданиях, реализуемых в межличностных отношениях. Правдивость выступает как экспликация эстетико-экспрессивного аспекта рациональности, связанная с требованием корректности выражения нормативных интенций и мотивов в высказывании. Коммуникативный акт, цель которого является соблюдение условий достижения взаимопонимания, должен вбирать в себя все аспекты рациональности – когнитивный, нормативный, и экспрессивный. Только в случае удовлетворения этим условиям он может быть основой коммуникативной рациональности. Другими словами, разрабатываемая модель предполагает воплощение единства античной триады Истины, Добра и Красоты.

Таким образом, хабермасовский проект предполагает в качестве необходимой предпосылки социокультурных трансформаций правильно организованные коммуникативные практики, а именно рациональный аргументированный дискурс. Представленная коммуникативная версия критической теории имеет не только теоретическое, но и серьезное практическое значение, поскольку предлагает конкретные способы достижения

консенсуса между различными политическими, религиозными, культурными позициями, что является, в свою очередь, чрезвычайно актуальным в современном мультикультурном мире.

В отличие от постмодернизма, который решает проблему сосуществования различных культур в духе идиографизма, Ю. Хабермас пытается найти единое основание для всех культур. Таким общим основанием им объявляется дискурс. Достижение консенсуса по поводу чего-либо возможно только в intersubъективном акте дискурсивного обсуждения.

При этом ключевая роль отводится открытым сообществам, которые возникают в результате объединения представителей различных сфер культуры, обладающих соответствующей политической культурой и являющихся независимыми от символических средств обмена системы – денег и власти – в коммуникативную сеть ассоциаций. В результате неискаженной и рационально организованной коммуникации внутри объединений общественности формируется воля и мнение народа.

Ю. Хабермас убежден, что разработка системы действий по решению тех проблем, с которыми столкнулось современное общество, возможно только в процессе коммуникативного дискурса в рамках делиберативной политики. Под делиберативной политикой понимается такая политика, согласие и консенсус в которой достигается только в процессе аргументированного и обоснованного обсуждения «открытой общественностью» различных проблем и разновекторных позиций. Таким образом, преодоление патологий развития техногенной цивилизации в современной критической теории не предполагает революционных преобразований, но представляет собой коммуникативно организованный процесс формирования коллективного волеизъявления на принципах разумности, свободы и солидарности.

Хабермасовская идея приоритета дискурсивных практик как основания социокультурных трансформаций получила свое развитие в творчестве представителя современной критической теории Райнера Форста [8-9]. Несмотря на то, что в западной академической среде его идеи вызывают

серьезный интерес и подлежат всестороннему исследованию, в отечественной науке они все еще остаются не изученными. Русскоязычному читателю в настоящий момент приходится довольствоваться лишь отдельными упоминаниями и рецензиями, посвященными вопросам этой новейшей разновидности критической теории, созвучной, между тем, основным устремлениям современности.

Будучи учеником Ю. Хабермаса, он продолжает и развивает традицию критической теории, в основании которой лежит требование подвергать рефлексии ее ключевые положения, понятия и принципы, обеспечивая тем самым систематическое осмысление своих собственных оснований. В ходе исследования различных стратегий критики культуры, Р. Форст приходит к выводу о том, что основным модусом бытия человека в мире является его способность к языку, а конкретнее, способность к оправданию и обоснованию. В этой связи, основанием преобразования общества позднего капитализма в справедливое, свободное и гуманное здесь выступает дискурсивная практика обоснования и оправдания своих действий и образа жизни. Эта идея значимости культуры аргументации приобретает сегодня все больше сторонников [10].

Согласно Р. Форсту, только такое социальное устройство соответствует критериям справедливости, которое фундировано правом на оправдание как высшей ценностью. Это право выражает требование отказа от политических или социальных отношений господства и управления, которые не могут быть адекватно оправданы и обоснованы теми, кого они затрагивают. Отказ от модели господства как предельного основания современной цивилизации означает право не подчиняться законам или институтам, которые не легитимированы в достаточной степени, а, значит, не могут считаться выражением власти. Требование справедливости – это в существе своем эмансипационное требование, которое описывается такими терминами как честность, взаимность, симметричность, равенство и др. Политическая и социальная справедливость должна, таким образом, базироваться на праве на

оправдание. Это, по мнению Р. Форста, лучший способ реализовать кантовский категорический императив уважать человека как цель, а не как средство.

Дискурс оправдания трактуется в этой новейшей версии критической теории как социально эффективное требование подвергать сомнению существующий тип социально-политического устройства или давать обоснования всяким действиям вообще, превращая их в основы политических действий и институциональных механизмов. При этом концепцию дискурсивно обоснованной политической и социальной системы не следует относить к чисто процедурной: ее нормативным ядром является принцип оправдания, который, в свою очередь, позволяет выдвинуть идею о непреложных правах человека, в реализации которых никто не имеет оснований отказать, а его критерии взаимности и общности позволяют в случаях несогласия выявить аргументы, подлежащие опровержению.

Дискурсивные практики, по Р. Форсту, всегда следует рассматривать как интеръсубъективные по своей природе. Люди должны самостоятельно формулировать свои моральные и политические суждения, осуществлять их критическую оценку в соответствии с социально-исторической практикой, оправдывать принятые решения, коллективно обсуждать их возможные последствия. Основная задача критической теории заключается в том, чтобы создать соответствующие для этого предпосылки и условия. Такая теория автономна в том смысле, что не требует никаких оснований, за исключением самого принципа оправдания [ср.:10].

Конструктивную и критически важную задачу разрабатываемой им теории Р. Форст понимает как определение нормативных условий, при которых базовая структура общества была бы рационально и всеобще обоснована. Конструктивная часть этой теории состоит в определении принципов и процедур проекта создания справедливого (или более справедливого) общества. Критическая же ее часть заключается в выявлении правовых, политических и социальных отношений, которые не являются взаимно и в целом оправданными. Иными словами, критическая теория включает не только

нормативную теорию оправдания, фундированную принципами публичной критики и аргументации, но также подразумевает анализ предвзятых и ложных отношения оправдания.

Посредством дискурсивных демократических процедур следует устанавливать, какие блага и для кого должны быть выделены, кем, в каком масштабе и на каких основаниях. Граждане при этом должны осознавать себя как ответственных участников в общем проекте создания справедливого общества. Дискурсивные практики как реализация права на оправдание выступают, таким образом, основанием трансформации социально-политического устройства, предполагающей реальные возможности индивидуумов определять наиболее оптимальные нормы и институты.

Заключение. Интеграционные и миграционные процессы современности обусловили целевую установку критической теории, выражающуюся в поиске максимально оптимальных моделей социально-политического устройства и справедливых норм совместного общежития в условиях мультикультурализма. В этой связи современная критическая теория предстает как проект создания свободного и справедливого общества, в основе которого дискурсивная практика оправдания своих действий, поступков и образа жизни, а также социальных и политических институтов, приводящая к установлению демократического правового государства. Имманентная логика развития критической теории разворачивается как дискурсивный опыт социальных преобразований, что делает ее не только основой общественной и политической активности, но и чрезвычайно актуальной и продуктивной программой современной гуманитаристики.

Список использованной литературы

1. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 415 с.
2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2006. – 378 с.
3. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.

4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2008. – 411 с.
5. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 533 s.
6. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 632 s.
7. Чуешов, В. И. О современной немецкой философии аргументации и месте в ней Х. Вольраппа / В. И. Чуешов. – РАЦИО.ru. – 2017. – № 18(2). – С. 1–15.
8. Forst, R. Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism / R. Forst. – Bearkly, Los Angeles, London : Univ. California Press, 2002. – 346 p.
9. Forst, R. The Right to Justification / R. Forst. – New York : Columbia Univ. Press, 2007. – 351 p.
10. Чуешов, В. И. Об ориентирах аргументологии в информационном обществе / В. И. Чуешов. – РАЦИО.ru. – 2016. – № 17(1). – С. 10–29.